

К.И.ЗУБКОВ

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ*

Оценка того, как модернизационные процессы, происходившие в России в XVIII-XX вв., сказались на экономическом и социокультурном развитии ее отдаленных восточных окраин (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия), сопряжена с рядом методологических трудностей - прежде всего, в части приведения к единой структуре объяснения их весьма противоречивых последствий, демонстрировавших на вновь осваиваемых территориях причудливые сочетания прогресса и отсталости. Понять природу этих противоречий позволяет ретроспективный геополитический анализ, вскрывающий сложные зависимости развития между центром и периферией в процессе территориальной экспансии государства. Важно заметить, что эти зависимости становятся различимы только в виде генерализаций, формулируемых на стыке укрупненных пространственно-географических и исторических тенденций: в то время как первые высвечивают функциональную роль отдельных частей государства в его общей системе экономики и управления, вторые позволяют удостовериться на больших хронологических промежутках ее инерционный характер.

Разбирая вопрос о модернизационном эффекте освоения восточных регионов России, необходимо высказать ряд замечаний методологического свойства. Прежде всего, следует воздержаться от попыток подвести под понятие "модернизация" любые проявления исторического прогресса, отмечаемые в этих частях государства в указанный период. Это тем более важно подчеркнуть, что во многих исследованиях последнего времени теория модернизации - в силу глобально-универсального горизонта своего приложения - стала слишком часто отождествляться с историческим развитием вообще. Как на затертой от частого употребления монете, в теории модернизации перестают прочиты-

---

*Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.

ваться ее специфические хронологические и содержательные привязки, а вместе с этим выхолащивается и ее методологическая суть.

Во-первых, модернизация как процесс есть не более чем частный случай (или, точнее будет сказать, специфическая форма) исторического развития, характеризующий переход традиционных обществ к некоему нормативно-определенному состоянию "современности", или "модернити". Параметры этой нормативности в достаточной степени определены. В самом общем плане они могут быть сведены к определенному историческому - "современному" - уровню социально-структурной дифференциации общества и, соответственно, эффективной специализации его частей. В экономике - это прогрессирующее разделение труда, коммерциализация, использование методов менеджмента и непрерывно совершенствуемых технологий массового производства; в социальной сфере - рост грамотности, урбанизация и упадок традиционных систем авторитета; в политике - раскрепощение гражданского общества и развитие ключевых институтов массового политического участия (партии, парламентаризм, избирательное право); в культуре - секуляризация и развитие националистических идеологий¹. Подчеркивая частно-исторический характер модернизации, нелишне будет отметить и то, что такое понимание "современности" почти целиком сформировано только одним и вполне определенным типом цивилизации, а именно, историческим опытом западных обществ. Уже в силу этого в любом развитии, квалифицируемом по разряду модернизации, должен с необходимостью присутствовать элемент осознанной ориентации на передовой (как правило, западноцентричный) образец - будь это в деталях проектируемая социальными верхами реформа или присутствующее в широких слоях общества болезненное, но внутренне стимулирующее к преобразованиям ощущение собственной отсталости от передовых стран. В каком бы виде ни присутствовал в сознании субъектов истории мобилизирующий на свершения образ "современности" - в виде ли конкретного примера передовой страны - образца для подражания - или в виде идеологически конструируемого "общества будущего", соответствующего идеалам "разума", - во всех случаях он, такой образ, является смысловым ядром, своего рода аттрактором модернизационной динамики. Иначе говоря, если развитие - это направленный процесс исторических изменений, о результатах которого мы можем говорить только в самых общих предположениях прогресса - как о непрерывном нарождении все более сложного и богатого возможностями общества, то модернизация - это целенаправленный процесс, конечные цели и траектория которого определены с

гораздо большей ясностью - если не в виде конкретных достижений, то хотя бы на уровне критериев прогресса, его качественной высоты.

Это означает, что модернизация как процесс вообще с трудом может пониматься вне развитой субъективности, то есть вне учета тех сил общества, которые не просто стремятся в будущее, но способны подняться до высоты его проектирования и практического приближения. Считать иначе, не проводя должного различия между модернизацией и объективно-стихийным ходом исторического развития, значит впасть в грубый телеологизм, неизбежно возвращаться к идее "предустановленного" развития. Об "объективности" модернизационных процессов можно говорить лишь в одном смысле - с точки зрения возрастающих общественных масштабов и глубины преобразовательной деятельности, ее "всеобщности", которые, в свою очередь, обеспечиваются высотой социальных позиций основных агентов модернизации, их способностью подчинять своему влиянию все общество в целом. То, что эта активная роль с очевидностью смещена к вершине социетальной иерархии, чаще всего и делает государство главным инициатором и агентом модернизации. Потому и сама модернизация столь органично мыслится в контексте политики, понимаемой в широком смысле - как организационная и контрольно-регулятивная сфера жизнедеятельности общества.

Во-вторых, - и это в контексте нашей темы самое существенное - модернизация не может в полном объеме отождествляться с общим ходом поступательно-прогрессивного развития еще и потому, что, как определенный род политики, она воспроизводит крайне неравномерное распределение результатов общественно-экономического и культурного прогресса как в аспекте доступа к ним различных социальных групп, так и в пространственном разрезе. В системе отношений "центр - периферия", которые характеризуют пространственную организацию большинства исторических обществ, результаты модернизации видятся весьма противоречивыми. С одной стороны, модернизация не может не сопровождаться распространением от центра на периферию существенных элементов нового, более прогрессивного социально-экономического и культурного уклада, но, с другой, сам этот процесс невозможно трактовать позитивистски - сводить к беспрепятственно протекающей и однозначно плодотворной "диффузии инноваций". Пространственное расширение зоны модернизации, как правило, базируется на неэквивалентном присвоении центром ресурсов периферии и жестком подчинении развития последней интересам центра. Как результат, модернизация, обеспечивая опережающие темпы прогресса центра, зачастую оборачи-

валась торможением (если вообще не блокированием) процессов прогрессивной социально-экономической самоорганизации в периферийных регионах. Периферия в таких условиях воспроизводит преимущественно один тип развития - своего рода "развитие недоразвития". Модернизация способна множить на периферии впечатляющие атрибуты своего присутствия - например, в виде масштабной индустриализации ранее незатронутых цивилизацией пространств, но даже такая перспектива может вовсе не приближать периферию к достижению главного эффекта модернизации - прогрессирующей дифференциации и сложности экономики. Широчайшая распространенность таких проявлений ущербно-зависимого развития периферии в истории позволяет говорить об их закономерной природе. Основные положения "теории зависимости", разработанной в трудах Пола А. Барана и Андре Г. Франка², нашли подтверждение как при анализе "центр - периферийных" отношений в рамках глобальной экономики (например, в "мир-системной" теории), так и в исследованиях проявлений "внутреннего колониализма" в развитии отдельных национальных систем экономики. Суть феномена "зависимого развития" периферии - не столько в самом факте ее систематической эксплуатации центром, сколько в понимании того, что экономическое, военное и политическое доминирование центра делает его взаимодействие с периферией далеким от идеала равных и одинаково плодотворных отношений обмена в духе политэкономии Адама Смита. Важно также подчеркнуть, что подобное состояние "зависимости" периферии от центра формируется задолго до эпохи высокоорганизованного капитализма; в тех или иных исторически своеобразных формах оно присуще и стадиям развития, предшествующим индустриальному капитализму, - в частности, эпохе меркантилизма (1500-е - 1770-е гг.). Все вышесказанное не означает, конечно, что иницируемая из центра модернизация вовсе не стимулирует развитие экономических, социальных и культурных институтов на периферии - необходимо лишь учитывать, что это развитие неизбежно деформируется отношениями ее зависимости от центра, приобретая односторонний характер.

Такой тип регионального развития был в полной мере присущ российским модернизациям XVIII-XX вв., поскольку особенностью их осуществления являлась сильнейшая зависимость от территориальных баз развития, которые с необходимостью росли на востоке страны с тем, чтобы компенсировать своим ресурсным изобилием недостаток экономико-технологических, институциональных и культурных предпосылок модернизации. Вызванное стратегическими потребностями государства развитие первых металлургических центров на Урале, Алтае и

в Забайкалье может служить яркой иллюстрацией этой тенденции. Помимо тех мощных импульсов развития, которые в этом случае обеспечивала восточной периферии России государственная машина, модернизационный эффект здесь должен был формироваться отчасти и в спонтанном режиме - во-первых, за счет инновационных комбинаций ресурсно-экономических, институциональных и социальных факторов, во-вторых, в виду более слабого давления социально-институциональных структур, систем управления и контроля, характерных для центра страны. Нам уже приходилось писать о том, в какой степени уникальные природные богатства восточных регионов (прежде всего, наличие крупных запасов топлива и сырья) уже с начала XVIII в. повлияли на организацию там крупнозаводских форм металлургического производства³. "Самомодернизационную" перспективу развития восточных окраин России с очевидностью намечала и концентрация там в разные периоды истории так называемых "несистемных" и оппозиционных элементов, вроде предприимчивых землепроходцев-промышленников, казачества, беглого и ссыльно-каторжного элемента (подчас весьма образованного), преследуемых старообрядцев и т.п. Вопрос, однако, заключается в том, насколько крупную роль могли реально играть на восточных окраинах эти социальные элементы, пользовавшиеся в дополнение к природным богатствам этих территорий благами относительной свободы.

Действительность же была такова, что это потенциальное богатство возможностей исторического развития резко ограничивалось на востоке страны очаговым характером освоения, селективностью разработки ресурсов, которые в тот или иной период востребовались государством. В связи с этим весь процесс освоения и заселения восточных окраин приобретал характер своеобразных "перелетов" (модель, отмеченная еще В.О. Ключевским как характерная черта крестьянских переселений на восток), чередующихся "волн" экстенсивной эксплуатации узкого спектра ресурсов, а не поступательного расширения на восток экономически освоенного и заселенного ареала⁴. Поскольку вся "сигнальная система" экономики, определяемая централизованным характером управления освоением восточных регионов, подчинялась, прежде всего, удовлетворению стратегических потребностей государства, региональные экономики на востоке России характеризовались однобокостью своей отраслевой структуры и никогда не достигали той полноты хозяйственного цикла, которая могла бы обеспечивать на местах более или менее равномерный экономический, демографический и культурный прогресс.

Эта закономерность проявлялась в развитии зауральских территорий России едва ли не с первых десятилетий их колонизации. Включение традиционного хозяйственного уклада сибирских аборигенов в государственную систему эксплуатации пушных ресурсов затормозило развитие в Сибири типичного для колоний феномена "двойной экономики", однако эта система все же до крайности сужала спонтанный комплексированный эффект в развитии местной экономики. Последний свелся в основном к заведению и расширению "сибирской пашни" для снабжения хлебом на местах растущего служилого населения ввиду дороговизны доставки припасов из Европейской России. Однако и возникновение аграрной экономики в Сибири в XVII в. являлось в решающей степени результатом государственной политики поощрения первых крестьянских переселений при сохраняющихся ограничениях на самовольные переходы русских людей (грамота 1683 г.). Объектами государственной регламентации становились практически все более или менее значимые стороны экономической жизни Сибири - маршруты проезда в регион, номенклатура провозимых туда и вывозимых из нее товаров, денежное обращение, миграции и водворение переселенцев. Можно заключить, что на раннем этапе колонизации государство в такой же степени было ответственно за широкий и активный приступ к освоению ресурсов Сибири, в какой и за искусственное насаждение здесь колониальных регламентов и разного рода монополий, одинаково препятствующих и спонтанному "переливу" экономической активности из центра страны, и ее свободной "самоорганизации" на местах⁵. Эти ограничения выражались в запретах на частный оборот наиболее ценных сибирских ресурсов, на приграничную торговлю местного купечества с Китаем, что, как считалось правительством, отвлекало и ресурсы, и хозяйственную инициативу населения от обслуживания стратегических экономических интересов государства.

Такая политика в освоении периферийных регионов была характерна не только для России (что позволяет говорить о проявлении в ее мотивационной основе более широких, почти универсальных закономерностей). Шведский исследователь Сверкер Сёрлин, например, отмечает, что в XVII-XVIII вв. при освоении северных окраин Швеции корона, поощряя их заселения крестьянами, вводила жесткие ограничения на их занятия "туземными" промыслами - охотой и рыболовством. Считалось, что эти занятия отвлекают крестьян от выполнения их прямых обязанностей по земледельческому освоению территории, в то время как по объективным условиям на Севере только комплексное

земледельческо-промысловое хозяйство могло обеспечивать переселенцам необходимый достаток⁶.

Инерция этой политики оказалась очень длительной, определяя развитие Сибири и в XVIII- первой половине XIX вв., и в преобразованном виде, но с не меньшей остротой проявлялась и в период второй - капиталистической - модернизации России, когда разрыв в экономическом положении центра и периферии стал определяться дисбалансом занятости и цен и, вследствие этого, кризисом платежного баланса периферии. Последняя вынуждена была наращивать вывоз своих сырьевых ресурсов для оплаты ввоза готовых изделий и потребительских товаров. Формирующаяся таким образом система неэквивалентного обмена увековечивала экономическое отставание периферии от центра; это проявлялось, в частности, в том парадоксальном факте, что на фоне ресурсного изобилия положение периферии, как правило, характеризовал недостаток занятости. В Сибири пореформенной эпохи эту проблему со всей остротой поставили "областники", которые видели в искусственном торможении развития там обрабатывающей промышленности и в консервации неэквивалентного обмена через так называемую "мануфактурную эксплуатацию" результат комбинированной политики, которую сообща проводили в жизнь уже не только русское правительство, но и капитал Европейской России⁷.

Эти черты в развитии восточных российских окраин прочно держались даже в начале XX в. Как констатировал один из дореволюционных наблюдателей, характеризуя ситуацию в колонизируемом Приамурье, "несмотря на многие попытки устроиться в крае, мы не видим постоянной системы и планомерности в окраинной политике"; если здесь и бывали периоды "полного оживления, широких оборотов и безумной наживы", то "это всегда связано было с правительственными мероприятиями - казенными постройками и приливом многомиллионных капиталов казны". В такие периоды, сетует автор, "все внимание купечества и предпринимателей сосредоточивалось на злобе дня, и никто не старался разобраться в местных экономических условиях и дать себе ясный отчет в том, что нужно с точки зрения населения и его благосостояния". В крае происходили рост населения и развитие земледелия, но все это далеко не соответствовало "потребностям края, на который смотрели с чисто земледельческой точки зрения, не создавая местной промышленности"⁸. Нарисованная картина не только фиксирует основное противоречие в экономическом положении периферии - недоразвитие здесь сложных форм экономики (прежде всего, промышленности) при полной зависимости пульса хозяйственной жизни от далеких и чуждых местным потребнос-

тям и условиям интересов центра, но и вскрывает его глубинные институциональные причины. Последние носили, в сущности, комплексный характер, коренясь не только в инерции правительственной политики и давлении внешнего капитала, но и в косности местной деловой среды, слабой рефлексии ею собственных экономических интересов.

Отражением ориентации хозяйства восточных регионов на удовлетворение стратегических интересов государства являлась исторически сформировавшаяся система путей сообщения. В начале XX в. в Европе на каждый километр железных дорог приходилось даже при слабом еще развитии автомобильного транспорта 7 км дорог шоссейных; в России в 1913 г. аналогичный показатель составлял всего 0,3 км, а на востоке страны во много раз меньше. Даже сегодня в развитых странах соотношение железных и шоссейных дорог достигает примерно 1:30; в России же на 1 км железной дороги приходится всего 6,3 км шоссейных дорог⁹. Такой "железнодорожный перекосяк" был следствием определенной логики развития: железные дороги, выполняя стратегическую роль в соединении ресурсной периферии с экономическим центром страны, без подъездных путей и обслуживающих местный оборот дорожных сетей не могли в достаточной мере втягивать территории, к которым они прокладывались, в интенсивное экономическое, социальное, информационно-культурное развитие. Затрудненность спонтанного "перелива" экономической активности от создаваемых на востоке страны крупных индустриальных производств даже на ближайшие к ним территории воспроизводила "очаговый" или вообще "точечный" характер освоения, порождая одновременно контрастное пространственное соседство "великих строек" и "медвежьих углов".

Это, разумеется, не означает того, что реализуемые на востоке России крупные индустриальные проекты вообще не несли в себе модернизационного начала - скорее, можно говорить о фрагментарной модернизации с крайне ограниченным пространственно-экономическим эффектом. Если узость воздействия модернизации на целостную территориально-экономическую структуру восточных регионов вытекала из самой морфологии "эффективного" экономического пространства России, которое сгущалось в направлении центра, то ограниченность собственно экономического эффекта таилась в том, что гигантские затраты государства на селективное ресурсное освоение восточных окраин практически никогда не давали ожидаемой отдачи, поскольку в структурном отношении были слабо ориентированы на комплексный эффект "самовозрастания" региональных экономик.

Именно по этой причине применительно к XVII–XX вв. можно уверенно говорить о "развитии" восточных регионов России как о совокупности отражаемых в статистике и общем сущности жизни разнообразных проявлений экономического, социально-демографического и культурного прогресса, но лишь с большой долей условности – об их "модернизации". Несмотря на то, что с начала XX в. восточные регионы – в виде крупных экономических районов – становились объектом планирования, рассчитанного на повышение их удельного веса в народном хозяйстве страны, ни один из них, как целостная территориально-экономическая система, в реальности никогда не являлся сознательно проектируемым объектом модернизации. Политика российских модернизаций XVIII–XX вв. имела своим смыслообразующим стержнем, прежде всего, стратегию усиления государства – независимо от того, шла ли речь о наращивании его военных возможностей, или же о повышении его ресурсно-экономической и технологической мощи. В этой проектируемой силовой структуре регионам, как правило, отводилась лишь роль ее отдельных компонентов. Обратной стороной этой служебной функции становилось форсированное развитие тех составляющих ресурсного потенциала региона, которые могли внести наиболее весомый вклад в общий стратегический итог политики модернизации, и ограничение (подчас вполне сознательное) возможностей органичного развития тех сфер "народной" экономики, которые могли отвлекать средства и силы от реализации государственных приоритетов. Как следствие, развитие восточных регионов России было обречено перманентно нести в себе черты "незавершенной" модернизации.

Примечания

¹ См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. С.А. Ерофеева. М., 2000. С. 174–175.

² См.: Baran P.A. The Political Economy of Growth. N.Y., 1957; Frank A.G. Dependent Accumulation and Underdevelopment. L., 1978.

³ Зубков К.И. Геополитическая арена российских модернизаций XVIII – XX вв. / Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 39–40.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 50.

⁵ Подробнее об этом см.: Зубков К.И. Прошлое и будущее Сибири: регулятивная роль геополитического фактора // ЭКО. 2012. № 1. С. 76–77.

⁶ Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices / Ed. by M. Bravo and S. Sorlin. Canton, MA, 2002. P. 79.

⁷ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI– XX вв. М., 2004. С. 432.

⁸ Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 142.

⁹ Архангельская Н. Полчаса от дома до работы // Эксперт. 2008. 18–24 августа. № 32 (621). С. 60, 63.

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

МОДЕЛЬ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Классический модернизационный анализ фокусировался на национально-страновой уровень, поэтому именно страна выступала в качестве основной аналитической единицы в большинстве модернизационных исследований, в частности, в работах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Гораздо меньшее внимание уделялось субстрановым измерениям модернизации, недостаточно исследованными оставались пространственно-региональные аспекты модернизации. Между тем процессы модернизации имеют не только темпоральное, но и пространственное измерение; они приобретают удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д. Пространственные аспекты затрагивались представителями модернизационной парадигмы преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода. Исследователи, к нему прибегавшие, обычно рассматривали в компаративном плане эволюцию двух или более обществ (обыкновенно стран), выделяя общие и особенные черты модернизации. Сравнительно-исторический подход реализовался в творчестве таких представителей модернизационной парадигмы, как С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс, Г. Тёрборн и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на таких переменных как институты, культура, лидерство. Сравнительный подход был направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. Представляют интерес бинарные сравнительные исследования, в рамках которых сопоставлялись две стра-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.